

Учитывая данные о составе редакционных коллективов местных изданий, можно предположить, что при отсутствии цензурного и репрессивного давления со стороны властей они занимали бы значительно более радикальные позиции. Об этом же отчасти свидетельствует быстрая радикализация рассмотренных газет в период Первой революции. В то же время сам факт возникновения подобных изданий в конце XIX – начале XX в. свидетельствует о постепенной либеральной эволюции российской монархии.

В условиях развития модернизационных процессов, переходного состояния российского общества социально-экономические программы различных печатных органов сочетали элементы как модернизационных, так и традиционалистских ценностей. К последним относится пропаганда коллективных форм производства, апологетика общины, критика рыночных отношений.

---

¹ См.: Павлов В. А. Очерки истории журналистики Урала. Екатеринбург, 1997. Т. 2, кн. 2. С. 121, 152.

² ГАПО. Ф. 65, оп. 2, д. 301, л. 2 об.–3.

³ ГАКО. Ф. 582, оп. 1, д. 139, л. 6 об.–7.

Уральские горнозаводские округа в новейшей региональной историографии: аргументы в разворачивающейся дискуссии

Л. В. Сапоговская

Институт истории и археологии УрО РАН

Дискуссия о «новом направлении» в исторической науке, концепции окружной системы горнозаводской промышленности Урала В. В. Адамова, действительно разворачивается. Следующим ее шагом стала публикация специальной работы профессора Д. В. Гаврилова «“Новое направление” в исторической науке и его поклонники» (Екатеринбург, 2005). Очевидно, что дискуссионные сюжеты нельзя рассматривать иначе, как особые познавательные ситуации.

В этом их смысл. Именно поэтому названную дискуссию необходимо быстро и организованно переместить на широкое поле предметной историографии, анализа исторических фактов.

Настаивать на этом приходится исключительно потому, что последняя работа Д. В. Гаврилова написана, к сожалению, *вне сколько-нибудь репрезентативного историографического контекста*. В обоснование этого тезиса можно вкратце обратить внимание коллег-историков на следующее.

Во-первых, Д. В. Гавриловым игнорируются не только работы по истории исторической науки в СССР (обстановка 1960–1970-х гг.), но и целый массив публикаций отечественных и зарубежных историков о дискуссии и ее последствиях, о сторонниках и оппонентах «нового направления»¹. В этой связи обращают на себя внимание «нравственные» аспекты работы Д. В. Гаврилова – не может не поражать то, с какой пренебрежительной легкостью он прошелся по судьбам «псевдомучеников»-новонаправленцев, а также его тезис о том, что никакого разгрома этого научного направления просто не было².

Во-вторых, заведомо ограничен и непоследователен автор в использовании собственно историографических работ, непосредственно посвященных анализу «нового направления» и проблеме многоукладности – серьезные большие аналитические работы³ подменены в построениях Д. В. Гаврилова тремя публикациями в прессе⁴.

В-третьих, совершенно особый *историографический прецедент* формирует Д. В. Гаврилов, ставя перед собой задачи «внимательного рассмотрения научных основ (?) “нового направления”»⁵ и его оценки, не обращая при этом ни к классическим исследованиям его условно «классических» сторонников – А. Л. Сидорова, И. Ф. Гиндина, П. В. Волобуева, М. Я. Гефтера, К. Н. Тарновского⁶; ни к последовавшим в более поздние периоды работам участников свердловской конференции, где идеям «нового направления» была отдана дань⁷; ни к важнейшим исследованиям общероссийской проблематики современных историков и экономистов, в которых дискуссионные вопросы, поднятые в 1970-е гг., нашли вполне определенную предметную конкретно-историческую проработку⁸. Все вместе обозначенное, думается, позволяет высказаться в том ключе, что претензии профессора Д. В. Гаврилова на анализ и оценку

«“нового направления” в исторической науке» (названия работы) видятся абсолютно несостоятельными.

Уверена, у профессионалов не вызывает сомнения, что осмысление влияния последней дискуссии советских историков 1970-х гг. и «нового направления» на развитие отечественной исторической науки объективно предполагает иную меру историографической обоснованности и эрудиции⁹, главное – требует иных в принципе подходов, чем те, что заданы последней публикацией Д. В. Гаврилова. Новый его труд выглядит, что совершенно верно подмечено в «представляющем» введении академика В. В. Алексеева, однозначно отмеченным печатью исходного: «профессору Гаврилову пришлось отвечать»¹⁰ (имеется в виду «отвечать» авторам мемориального сборника «Социально-экономическое и политическое развитие Урала в XIX–XX вв.: Вопр. истории Урала. Вып. 18» (Екатеринбург, 2004)).

Наконец, в-четвертых, явно не убедителен и заданный самим автором региональный историографический контекст в решении самых ближайших и «простых» его задач – критики концепции В. В. Адамова и его «поклонников». И в этой части претензий к работе Д. В. Гаврилова хотелось бы отметить, что на проверку очень мало стоят все его изобличающие тропизмы, не имеющие под собой значимой историографической основы. Не использован Д. В. Гавриловым потенциал уральской индустриальной историографии, в которой представлены разные точки зрения и введены в научный оборот выводы, значимые в плане предпринятого им дискуссионного выступления. Анализ научно-справочного аппарата – системы ссылок к названной работе¹¹ – показывает его удручающую ограниченность: помимо своих собственных, автор ссылается лишь на несколько конкретно-исторических исследований других историков (весьма, кстати, «странного» ряда – Ф. П. Быстрых, И. И. Минц, И. А. Бураноз, В. И. Бовыкин), совершенно не обращая внимания на публикации последних десятилетий.

Полемизируя же с избранными авторами университетского сборника избранным способом (это сюжет особый¹²), Д. В. Гаврилов обращается лишь к одной из их предшествовавших работ¹³, в которых на конкретных материалах тем изысканий были заявлены тезисы, позволившие авторам (не вдруг!) выступить в качестве его

оппонентов. Думается, в серьезной работе следовало бы «ответить» и на них, а может быть, прежде всего на них, а не на специфические, написанные в мемориальный сборник, краткие статьи. Еще более оправданным в рамках перспективной полемики было бы «ответить» на опубликованные до момента начала дискуссии работы, в которых самой непосредственной серьезной критике подвергаются ряд принципиальных выводов самого автора работы (например, об облике уральских рабочих, промышленной революции в горнозаводской промышленности Урала)¹⁴.

Только в добротном репрезентативном историографическом контексте дискуссия по-настоящему важна и интересна, поскольку в таком случае речь должна была бы идти о конкретных значимых в плане дискуссии исторических сюжетах и характеристиках изучаемых процессов и явлений, подходах и алгоритмах, источниковой базе их изучения. И именно такого рода, а не иные дискуссионные материалы нужны молодому поколению историков, чтобы «объективно разобраться в трудах своих предшественников».

Как бы ни хотелось Д. В. Гаврилову своей последней работой поставить точку в давнем споре о подходах к изучению горнозаводской промышленности Урала, в том числе в связи с научным потенциалом «нового направления», которое к вящему его раздражению ну никак не хочет «сгинуть», – естественный историографический процесс вновь и вновь выводит на эту проблематику во всей ее глубине, остроте и значимости.

Поскольку центральное место в «концепции В. В. Адамова», критикой которой по сути и ограничивается в своей работе Д. В. Гаврилов, занимают представления об особой роли окружной системы уральской горнозаводской промышленности, автор настоящей статьи ставит перед собой задачу анализа новейшей (условно 2000-х гг.) уральской индустриальной историографии именно с точки зрения отражения данной темы. В предпринятой работе будет представлен обзор как содержания массива сборников статей индустриальной тематики (так называемое «быстрое и поверхностное историографическое время»), так и научных исторических изысканий темпов и уровня диссертационных исследований и монографических работ.

Итак, если обратиться к массиву материалов конференций как к историографическому источнику в связи с обозначенной пробле-

мой окружной системы горнозаводской промышленности и в плане дискуссии, можно обратить внимание на следующие исследовательские конструкты и выводы.

Говоря об особенностях развития уральской металлургии, академик В. В. Алексеев, например, отмечает, что «в отличие от западного капиталистического предпринимателя уральский заводчик в своем горнозаводском округе оплачивал все вспомогательные производства и социальную сферу»¹⁵. Нельзя не заметить, что вывод этот вступает в явное противоречие с принципиально отстаиваемым профессором Д. В. Гавриловым утверждением о том, что округа, будучи «административно-правовой категорией... никак не могли влиять на производственно-техническую, финансово-экономическую и социальные стороны их деятельности»¹⁶. Не могли, но влияли?

Пытаясь справиться с накопленным уральской индустриальной историографией фактическим материалом, Д. В. Гаврилов высказывает крайне странное суждение о том, что «дело было не в окружной системе, а в местных факторах»¹⁷ (почему окружная система исключается из числа таковых, остается неизвестным, думается, и самому автору), затем начинается предъявление «перечня» факторов экономического, географического, технологического порядка и рассуждения о них. Но в том-то и дело, что округа воплощали в себе *систему* взаимосвязанных факторов самой разной природы, являли собой, как это точно отметил В. В. Адамов, «единство социально-экономических основ и формы»¹⁸. Позволим себе подчеркнуть, что понимание округов как исключительно «административно-правовых категорий»¹⁹ видится тупиковым путем изучения горнозаводской истории Урала. Привести он может лишь к выхолащиванию ее специфики, безапелляционности и одномерности выводов об «ускоренном и всеохватывающем» (?) характере модернизационных процессов в промышленности²⁰.

К тезису об «ускоренности и всеохватности» мы в данной статье еще не раз вернемся, сейчас же хотелось бы отметить весьма прозрачную по своим целям и неуклюжую по форме попытку Д. В. Гаврилова (и некоторых других исследователей) в обосновании своих взглядов «держатъ оборону» на рубежах «теории модернизации». Но определенного свойства обращения к этой авторитетной концепции порой оказывают ей и ее сторонникам «медвежью

услугу». Так, явно мало, судя, во всяком случае, по статье «Модернизационные процессы в металлургии Урала» в том же сборнике²¹, обогатила модернизационная парадигма выводы, например, другого уральского специалиста по истории металлургии, В. В. Запария – представленная им в статье периодизация развития уральской металлургии видится поверхностной и очень традиционной (может быть отнесена к очень широкому кругу социально-экономических явлений)²². Явно не в пользу сравнение этой периодизации с другими опытами – например, представленному в статье Е. С. Мальцевой²³, где в основу периодизации черной металлургии Урала до начала XIX в. положен принцип смены базовых технико-технологических систем металлургического производства (выделено пять периодов).

На неправомерность противопоставления теории модернизации идеям «нового направления» неоднократно обращалось внимание на страницах сборника «Социально-экономическое и политическое развитие Урала в XIX–XX вв.»²⁴. Признанный специалист по теории модернизации И. В. Побережников в том числе заключил, что «в большей степени отвечает потребностям изучения полиморфной социальной реальности модель парциальной (частичной) модернизации»²⁵. В плане же дискуссии важно подчеркнуть, что превратно и ограниченно поняты методологические установки теории модернизации, как организованное преимущественное внимание к новациям и модернизационным сдвигам, всякий раз оставляют за пределами исследовательских интересов целые пласты социально-экономических явлений. Принципиальной, на наш взгляд, является установка на то, что в изучении всех социально-экономических явлений, форм и порядков равно важны как трансформация, так и инерция (проявляющая себя в экстенсивности, традиционализме, локализме).

Но, например, в статье, посвященной «формированию новой модели экономического развития» Урала в начале XX в., Д. В. Гаврилов явно диспропорционален прорисовке «модернизационных перемен» и статичных сфер горнозаводской экономики, а характеризуя новации финансово-экономической организации горнозаводских хозяйств, пренебрегает «неудобными», проблематично вписывающимися в его построения историографическими выводами.

К числу таковых можно отнести, во-первых, близкие автору данной статьи выводы о характере, формах и мере реального участия в делах уральской горнозаводской промышленности финансового капитала, о сложной и неоднозначной природе процессов ее монополизации²⁶. Важность этих сюжетов заключается, на наш взгляд, в том, что характер развития новейшекапиталистических процессов (акционирование, монополизация, участие банковского капитала) в горнозаводской промышленности Урала был, безусловно, своеобразным «индикатором» меры ее «оригинальности», устойчивости последней. К проблеме «противоречий в оценке», например, монополизации промышленности Урала также обращается в своей статье М. А. Фельдман²⁷, не склонный преувеличивать как степень развитости этого процесса, так и потенциал его «преобразующей» силы.

В этой связи обращает на себя внимание также недавняя статья Г. С. Моисеева «Характер и итоги капиталистической модернизации (на примере медной металлургии Урала)»²⁸. Немалые сомнения вызывает представление Г. С. Моисеевым значения смены хозяев «медных» округов в лице «монополистического финансового капитала» — она отнюдь не была неким автоматически действующим залогом прогрессивных модернизационных изменений. Для доказательства наличия или отсутствия модернизационных сдвигов недостаточны указания на то, что тот или иной округ был или не был акционирован. Это же замечание можно отнести к противоположной по выводам статье Н. В. Хохловой «К вопросу об акционировании уральской горнозаводской промышленности», которой данные о темпах акционирования и отставании в этом плане Урала от южнороссийского промышленного региона не позволяют «слишком оптимистично оценивать вовлечение Урала в систему капиталистических отношений»²⁹.

В уральской историографии накоплено немало материалов и выводов, прорисовывающих в более объективном ключе данный вопрос. Вероятно, данная исследовательская проблема в принципе не решаема лишь на основе статистических выкладок о доле акционированных, включенных в сферу банковского капитала предприятий по тем или иным срезам и массивам фирм³⁰. Необходим качественный — содержательный анализ того, как новейшекапита-

листические процессы влияли на горнозаводскую экономику. Ю. А. Буранов, уделивший внимание проблеме историко-экономических смыслов финансовой реорганизации уральских округов, подчеркивал, во-первых, что «акционирование не могло полностью устранить все противоречия и диспропорции в его развитии», что «крупный монополистический капитал... получил в наследство пережиточные явления, не только пожинал “дополнительную прибыль”... умело их используя... но сталкивался также с отрицательным их влиянием при реконструкции»³¹. Очевидно, что эти выводы очень схожи с теми, которые делал В. В. Адамов (финансовая реорганизация, которая не была связана ни с резким изменением экономического уклада, ни с ломкой оригинального строя³²), потому вряд ли можно оспаривать его самое серьезное научное влияние на Ю. А. Буранова (которое, конечно, настойчиво отрицает Д. В. Гаврилов, записав его в «отказавшиеся» от учителя).

Но вернемся к анализируемой статье Г. С. Моисеева. Автором делается вывод о том, что за годы нового промышленного подъема «уральские медеплавильные заводы и рудники приобрели облик предприятий индустриального типа». Нимало не заботится исследователь при этом, что вывод этот противоречит, например, итоговой (на 1917 г.) характеристике «медных» горнозаводских округов такого авторитетнейшего исследователя, как тот же Ю. А. Буранов. В соответствующем разделе его монографии о Богословском округе говорится: «...новое расширение основного производства еще более увеличивало существовавшее прежде несоответствие между ним и примитивно организованной добычей сырья» (и далее, кстати, подчеркивает: «Это противоречие было свойственно всей уральской промышленности»)³³. Анализируя состояние другого «медного» округа Урала – Верх-Исетского, Ю. А. Буранов отмечает, что «положение дел в округе было аналогичным Богословскому горному округу»³⁴.

Не могут не вызывать недоуменного сомнения и конечные выводы ранее упомянутой статьи Д. В. Гаврилова о «полной перестройке организационно-экономической структуры» горнозаводской промышленности³⁵. Осознавая, что в анализе данной его статьи методологическая рефлексия вряд ли уместна, все же нельзя не задаться вопросом о том, что именно понимается автором под «организа-

онно-экономической структурой», в том числе о каких «связях» (структура как «совокупность устойчивых связей объекта, обеспечивающих его целостность и тождественность самому себе») в данном случае идет речь. Что собственно и от чего так полно «перестроилось» в начале XX в.?

Поскольку Д. В. Гаврилов всячески избегает говорить об округах, рассматривать их в качестве реальных структурных компонентов горнозаводской промышленности, остается только догадываться, что речь должна была бы идти: 1) о внутриокружных производственных связях; 2) о связях округов и внеокружного сектора горнозаводской промышленности; 3) о преимущественно «горизонтальной» производственно-отраслевой структуре окружных хозяйств; 4) о «разгораживании» округов и формировании отраслевой структуры горнозаводской промышленности. Приходится признать, что все эти серьезные и важные проблемы крайне недостаточно проработаны в уральской индустриальной историографии. В силу определенных установок не нашлось им должного места и в работах одного из ведущих специалистов по проблемам индустриального развития Урала – профессора Д. В. Гаврилова (что, несомненно, сказалось на характере его «вечного» позиционирования относительно концепции В. В. Адамова).

Между тем одна из названных проблем – формирование отраслевой структуры российской промышленности – получила вполне внятное и именно проблемное отражение в отечественной и региональной историко-экономической литературе. Заметное внимание уделил ей в свое время экономист С. В. Онищук в работе «Исторические типы общественного воспроизводства», отмечая, что структурно-отраслевая решетка России так и ограничилась уровнем, достигнутым в период подъема 90-х гг. XIX в.³⁶ В монографии «Опыт российских модернизаций XVIII–XX вв.» (М., 2000) авторами соответствующего раздела (В. Г. Железкин, К. И. Зубков) был сделан вывод о том, что в горнозаводской промышленности Урала «вертикальная отраслевая структура фактически только начала формироваться» в 1880–1890-е гг.³⁷ Но исследований о том, как дальше развивался этот очень важный (и показательный в плане дискуссионной проблематики) процесс, насколько были сформированы в уральской промышленности «отрасли» в современном смысле этого слова

(а не промежуточные стадии в вертикали «горнозаводского дела»), к сожалению, не последовало.

Подчеркнем, что профессор МГУ С. В. Воронкова именно в связи с анализом производственно-отраслевой структуры не столь, как Д. В. Гаврилов, оптимистична в оценке уровня развития металлургии Урала и России начала XX в.³⁸ В контексте дискуссии для нас важнее другие выводы этого авторитетного автора. Подчеркивая важность изучения процессов формирования отраслевой структуры, она нацеливает на методологически важное «разграничение отрасли и производства, учет стадий их формирования и развития в конкретные исторические эпохи», настаивает на необходимости тщательного изучения конкретных производств (отличавшихся «физическими размерами, степенью концентрации, уровнем энергетической и технической оснащенности, территориальной распространенностью, своей общей принадлежностью к разряду мелкой, средней и крупной промышленности»), обосновывает необходимость «выявления механизмов функционирования конкретных производств, факторов роста, взаимодействия с другими производствами и сферами промышленного труда»³⁹.

Именно на такие по сути подходы к изучению российской экономики и промышленности, уходя от упрощенчества и схематизации, ограничения исследовательских усилий исключительно развитыми формами промышленного производства, и ориентировали в свое время сообщество историков представители «нового направления»⁴⁰. Помня об этом и объективно оценивая состояние современной, например, индустриальной историографии, приходится со вниманием отнестись к выводам о том, что связанные с дискуссией события 1970-х гг. «имели печальные результаты»⁴¹. Заметим, что в системе исторического знания делаются еще более радикальные выводы о том, что после «административного разгрома “нового направления”» «осуществлявшееся в рамках этого направления всестороннее исследование социально-экономической истории России конца XIX – начала XX в. фактически прекратилось» (новейшее учебное пособие для вузов под редакцией И. Я. Фроянова⁴²). Возможно, последний тезис излишне категоричен, но сворачивание целого спектра тем социально-экономической и индустриальной проблематики в развитии отечественной исторической науки

имело место. Не могло это не сказаться и на важнейших тенденциях развития уральской индустриальной историографии.

В свете дискуссии хотелось бы отметить, на наш взгляд, деструктивный по своей сути дефицит исследований, посвященных анализу окружной системы, конкретным окружным хозяйствам в плане раскрытия механизмов функционирования этих сложных многоукладных и многоформных хозяйств. Оценивая серию «Урал индустриальный. Бакунинские чтения» как историографический источник по истории уральской промышленности, С. Е. Алексеев и В. Д. Камынин, например, отметили, что «особую группу материалов... составляют публикации по истории отдельных предприятий»⁴³. Сам по себе этот подход, приобретший в отечественной историографии второе дыхание, в том числе с развитием такой авторитетной отрасли знания, как «business history»⁴⁴, не может не вызывать всяческой поддержки. Но характеризовать деятельность того или иного уральского завода XVIII – начала XX в., на наш взгляд, невозможно, не «вписывая» его в механизмы функционирования того горнозаводского округа, в который он входил, не прорисовывая как минимум его производственные и технологические связи с другими заводами, вспомогательными производствами и специфичной социальной сферой.

И все же добросовестное погружение в конкретный фактический материал при выборе любых подходов и тем по горнозаводской истории Урала не может так или иначе не выходить на представления об окружной системе, не обогащать знаний о ней (ибо невнимание к проблеме, как некий «отрицательный» результат, есть тоже результат в науке). Попытаюсь пояснить свою мысль на примере более подробного анализа нескольких статей.

В статье А. В. Жука «Металлургическая база военного производства на Урале накануне и в годы Первой мировой войны»⁴⁵ не может не обращать на себя внимание целый ряд неадекватных «странных» формулировок. Так, из тезиса: «Металлургические заводы Урала в составе 4 казенных и 19 частных и посессионных округов являлись предприятием с полным техническим циклом выделки металла – от добычи руды до производства сортового железа и стали», остается не ясным, что являло собой «полный цикл» – заводы или все же округа и почему автор оперирует термином

некоего «технического», а не технологического цикла? Такое же недоумение вызывает формулировка: «...в регионе существовали развитые частные комплексы отраслей производств(?): металлургической, горной, горнозаводской и фабрично-заводской промышленности, обеспеченные топливными и сырьевыми ресурсами...»⁴⁶

Падежно-вербальные или все же понятийные сие несуразницы? Неведомо также, как именно представляет себе автор технологические циклы и организационную структуру промышленности Урала, если для обоснования тезиса об «укреплении горизонтальных экономических связей между заводами» он приводит статистику увеличения доставки чугуна, проката и полупродукта «с соседних заводов» (именно так в тексте). О каких связях идет речь – внутриокружных или между округами, какими именно средствами и в каких целях какие проблемы горнозаводской экономики при этом устранялись? За пределами исследовательского интереса автора в связи с этим сюжетом, к сожалению, остается и такой (должный быть принципиальным для него!) вопрос – происходили ли эти действительно очень важные показательные процессы исключительно из чрезвычайных условий военного времени или же были связаны с тем самым посылом развивавшейся технико-технологически металлургии Урала? Думается, эти претензии к автору в целом неплохой статьи говорят и о том, что сколь возможно полные и цельные представления об окружной системе горнозаводской промышленности Урала должны непременно входить в активный научный багаж всех историков промышленности.

Исследуя развитие металлургической базы военного производства, А. В. Жук приводит данные о предпринимавшихся опытах реорганизации казенных горных округов, обращая при этом закономерное внимание на осознанную (правительственные программы) необходимость реконструкции топливной и сырьевой баз, которые значительно тормозили прогресс собственно металлургического производства (для Златоустовского округа это, например, проблема всего лишь уровня централизации углевыжигательного процесса). Тем самым автор вольно или невольно подтверждает, что реорганизация, чтобы быть эффективной, должна была быть комплексной, оперирующей представлениями об округах как целостных системах. Так, например, анализ программ имевших мес-

то реконструкций посессионных и частных окружных хозяйств позволил в свое время автору данной статьи сделать вывод о том, что они «были обречены на хроническую безуспешность, поскольку были односторонними, нацеленными на технико-технологическое обновление металлургии и пренебрегали так называемыми “вспомогательными” и сопряженными отраслями и производствами»⁴⁷.

Подчеркнем, что обозначенная проблема, в плане критики историко-объяснительных моделей, основанных на принципах жесткого технологического детерминизма, нашла интересную концептуальную проработку в ряде работ профессора МГУ Г. Р. Наумовой. Речь идет прежде всего о ее монографии «Русская фабрика» (М., 1998), где она говорит и о пределах воздействия развитого, технически продвинутого производства фабрики (т. е. промышленного предприятия, основанного на применении системы машин) на различные по своей природе хозяйственные комплексы. Выступая в 2000 г. на методологическом семинаре «Индустриализация в России», она подчеркнула также, что «наблюдаемое торможение в изучении отечественной промышленности вызвано не наличием разных теорий и концепций (это, видимо, обсуждалось. — Л. С.), а скорее тем, что у историков нет адекватного представления о функциях фабрики в их совокупности в разных экономических системах»⁴⁸.

Технико-технологическая модернизация металлургического производства, как самой развитой формы промышленности региона, вероятно, также имела некие пределы воздействия на облик горнозаводской промышленности в целом, более того, развиваясь (этого никто не опровергает), она порождала диспропорции, которые не могли не влиять на темпы и формы, «тип» ее «капиталистической эволюции». Примерно такова постановка исследовательской проблемы В. В. Адамовым — отмечая «переходный характер» экономики Урала (и России) в начале XX в., он делает выводы и о «трансформации окружной системы»⁴⁹, происходившей «перестройке самих окружных хозяйств», приобретавших «более простую и целенаправленную структуру», о «смене направления окружной специализации» под воздействием технического прогресса, не отрицая абсолютно «капиталистическую» в основе своей природу этих явлений⁵⁰. Но Д. В. Гаврилов в своем критическом порыве не видит этих суждений В. В. Адамова (так называемая догма про «крепост-

нический уклад»), как не видит многого, опрощая и искажая своих оппонентов (как «старых», так и вновь обретенных).

Серьезные и убедительные претензии к выводам Д. В. Гаврилова об уровне технико-технологического развития горнозаводской промышленности Урала, промышленной революции (завершена, по Д. В. Гаврилову, с преобразованиями в сталелитейном производстве к 1910 г.⁵¹) выдвигает в своей статье «Промышленный переворот на Урале: попытка переосмысления» М. А. Фельдман⁵². Его контраргументы основаны на сравнении уровня энергетического обеспечения металлургических заводов и железорудной «отрасли» Урала и Южнороссийского района, состояния организации добычи топлива в регионах, а также статистически вооруженной критике выделенных Д. В. Гавриловым групп «крупных», «средних» и «мелких» по объемам производства металлургических предприятий Урала в соотнесении с южнороссийскими (общероссийскими) масштабами⁵³. Очевидно, что некий «двойной стандарт» Д. В. Гаврилова (когда по-уральски «крупные» производства оказывались по значимым внешним масштабам едва «средними») искажает итоговые выводы и, главное, может и в дальнейшем в их развитие поставить сколь угодно много «точных архивных данных».

Возвращаясь же к статье А. В. Жука, обратим внимание, что в его представлении также отнюдь не столь победителен и «всех охвачен» процесс «коренной» технической перестройки горнозаводской промышленности Урала (упоминавшиеся уже выводы Д. В. Гаврилова), если в качестве некоего резюме он счел возможным привести колоритное высказывание современника-инженера: «...на уральских заводах, как типичное явление, можно было встретить рядом с... современным гигантом-машиной какую-нибудь старушку-турбину или просто водоналивное колесо с чудовищной зубчатой передачей, либо кустарного производства мощную паровую машину, изготовленную в доброе старое время на своем заводе... словом, двигатели, место которым в музее». Далее следует вполне определенный вывод уже самого А. В. Жука: «В таком(!) состоянии уральской промышленностью было встречено начало Первой мировой войны»⁵⁴.

Заметим, что такого же не «победительного» характера выводы делает, оценивая состояние казенных горных заводов (доменное

производство), другой ученик (бывший аспирант) Д. В. Гаврилова – кандидат исторических наук Г. Н. Шумкин в своей статье «Государственные доменные заводы Урала как металлургическая база военной промышленности России в конце XIX – начале XX в.»⁵⁵. Рассматривая планы и опыты реконструкции казенных окружных хозяйств, он отмечает, что «специфика топливно-энергетической базы вновь показала пределы роста производства», «препятствовала созданию на Урале современных мощных металлургических предприятий, сочетающих и доменное, и передельное производство, подобных тем, которые были построены в 1890-е гг. на Юге России». Интересно также, что, рассматривая сложную природу процессов концентрации производства, Г. Н. Шумкин повторяет и раскрывает выводы В. В. Адамова о таком довольно распространенном в годы предвоенного подъема явлении, как децентрализация доменного производства⁵⁶.

Значимым в дискуссионном пространстве представляется более подробный анализ еще одной статьи сборника «Урал индустриальный» (пятое чтение) – речь идет о статье А. Б. Кудымова, посвященной Рождественским заводам⁵⁷. Заметим, что появление ее очень важно и своевременно в силу довольно слабой их изученности. Нет статей, посвященных ни одному из этих заводов в энциклопедии «Металлургические заводы Урала XVII–XX вв.» (Екатеринбург, 2001), по-разному в литературе определяется статус Рождественских заводов – как входивших в Ревдинский округ и как округа самостоятельного. Так, например, в «Истории Урала в период капитализма» (М., 1990) в справочных приложениях указано на особый Рождественский округ (с тремя заводами – Верхнерождественским (1800 г.), Среднерождественским (1810 г.), Нижнерождественским (1740 г.)), принадлежавший П. А. Демидову, а с 1873 г. – Г. М. Пермикину, который в 1888 г. прекратил свое существование «ввиду закрытия всех заводов»⁵⁸. А. Г. Кудымов также не вполне разобрался с перипетиями владения⁵⁹, с определением статуса заводов. Речь в данном случае должна идти о едином округе Ревдинско-Рождественских заводов, формирование которого завершилось в 40-е гг. XIX в. – «включавшем шесть заводов, хотя и разделенных большими расстояниями, но действующими как единый производственный комплекс»⁶⁰.

Анализируемая статья А. Г. Кудымова, безусловно, квалифицированная, насыщена богатым фактическим материалом, характеризующим прежде всего эволюцию технического облика заводов. Но, сужая задачи своего исследования преимущественно описательными алгоритмами, автор оказался не в состоянии дать полновесного ответа на должный быть важным для него вопрос – почему в итоге изучаемые заводы прекратили свое существование. Кроме указания на наводнение 1862 г. и довольно общего тезиса о «закономерном финале для феодальных предприятий, не сумевших в пореформенный период приспособиться к рыночным отношениям», он в итоге не предъявляет ничего.

Фактически же такая судьба Рождественских заводов, как представляется, была связана с тем, что были они частью Ревдинского округа (указаний на это в статье, как это ни странно, нет), откуда на них поставлялся для передела чугун, а также с тем, что округ этот испытывал серьезный «недостаток в лесах», необходимых для чугуноплавильного производства (в 1850-е гг. заводы округа именно поэтому оказались на грани остановки). Таким образом, в плане обсуждаемой в дискуссии проблемы вполне можно сделать вывод, что отсутствие у автора изначальной исследовательской установки рассмотреть историю Рождественских заводов в контексте окружной истории существенно обеднило его аналитику. Ведь факты, как известно, не говорят сами по себе – они отвечают только на вопросы, поставленные исследователем. Между тем изучение Рождественских заводов в связи с историей окружной системы уральской промышленности давало значимый повод задуматься о различных пространственных моделях организации округов – в данном случае такой, когда чугуноплавильные и железоделательные заводы находились друг от друга на очень значительных расстояниях (в чем-то сходной с Ревдинской была пространственная модель организации Кыновского и Пожевского, а также Суксунского округа, но последняя была осложнена еще и наличием в округе двух производств – железоделательного и медеплавильного).

Говоря о «безмолвствующих» фактах в связи с анализируемой статьей А. Г. Кудымова, представляется важным обратить внимание и на ставшую, к сожалению, столь распространенной у «индустриалов» практику сверхплотной нагрузки текстов цифрами о чис-

лс, метрических параметрах технического оборудования заводов. Сами по себе эти данные, безусловно, важны – вне знаний о техническом уровне заводов нет и не может быть индустриальной истории. Но предъявляемые вне некоей оговоренной теоретико-смысловой системы – как минимум ранжирования этих параметров по уровню их технико-технологической продвинутости, соотнесения с этапами развития техники (возможно, и компаратива с историей развития металлургии в других странах – для разных этапов Россия – Швеция⁶¹, Россия – Германия, Россия – США), они зачастую замыкаются сами на себе и минимально находят отражение в итогово-значимых выводах. Думается, что такого рода методическую – «инструментальную» и теоретическую поддержку должна обрести и богатейшая информация заслуженно знаменитой энциклопедии «Металлургические заводы Урала XVII–XX вв.» (Екатеринбург, 2001) в готовящемся втором ее издании.

Интересную и важную в плане дискуссии проблему влияния на развитие экономик горнозаводских округов, развивавшихся в их рамках, неметаллургических отраслей пытается представить в своей статье «Начальный этап добычи золота в частных и посессионных горнозаводских округах Урала» Е. В. Сажаева⁶². Автор показывает, что в условиях, когда заводчики испытывали дефицит оборотных капиталов («за медь деньги приходят тотчас... за железо сиди у моря и жди погоды» (Н. Н. Демидов), налаживание добычи золота воспринималось уральскими заводчиками как обретение важного финансового ресурса и резерва. Добыча золота, пишет автор, имела свои риски, но приносила весьма существенные – «легкие» и скорые доходы. Сами прииски можно было заложить, сдать в аренду. Полученные от золотодобычи средства обращались на развитие основных производств, нередко «спасали» – использовались как чрезвычайный ресурс.

Завершая обзор статей в сборниках «Урал индустриальный. Бакунинские чтения», хотелось бы обратить внимание на известную слабость помещенных там историографических статей. Во-первых, следует отметить, что ряд их носит так называемый «перечневый» характер простого представления⁶³. Думается все же, что появление в каждом последующем сборнике статьи по итогам предыдущей конференции должно иметь более серьезную, в идеале – предмет-

но-проблемную историографическую направленность. Во-вторых, оставляет желать лучшего качество довольно редко появляющихся проблемных историографических статей. Так, например, в добротной информативной статье «Иностранные капиталы в металлургии Урала в исследованиях современных историков (1990–2003 гг.)»⁶⁴ явно недостает внимания к итоговым выводам различных исследователей о характере влияния иностранных капиталов на развитие горнозаводской промышленности Урала.

В другой имеющей для нас в плане дискуссии непосредственный интерес статье А. В. Бармина «Историография становления индустриального производства в 80–90-е гг. XIX в.»⁶⁵ автор пытается историографически представить проблему характера, важнейших тенденций развития горнозаводской промышленности Урала. Отмечает он следующие исследовательские «позиции» (так в тексте): «...существовала капиталистическая горнозаводская промышленность (С. Г. Струмилин); в целом промышленность была капиталистическая и происходило постепенное отмирание и вытеснение крепостнических элементов (В. И. Бовыкин, М. П. Вяткин, П. Г. Рындзюнский, Д. В. Гаврилов); существовала капиталистическая промышленность при консервации и приспособлении остатков крепостничества к новым условиям (К. Н. Тарновский, И. Ф. Гиндин); сохранение в промышленности особой “феодальной системы” (С. П. Сигов); оригинальный строй промышленности с “крепостническим укладом” (В. В. Адамов); капиталистический уклад в промышленности до конца XIX в. находился в процессе становления (Т. К. Гуськова)». Учет такой богатой палитры мнений историков не может не радовать, хотя и полной назвать ее нельзя (например, опущены взгляды Ю. А. Буранова). Представляющие исследователей формулировки могли бы быть более корректными и точными. Особенно это касается определения взглядов С. П. Сигова и В. В. Адамова, а также «разведения» позиций в далеко, на наш взгляд, не однородной «группе»: В. И. Бовыкин – М. П. Вяткин – П. Г. Рындзюнский – Д. В. Гаврилов.

В следующей части данной статьи обратимся к анализу монографических исследований и докторских диссертаций, значимых, на наш взгляд, в контексте предложенного аспекта разворачивающейся дискуссии. Нельзя не заметить, что в самые последние годы

вышло несколько солидных работ (докторские диссертации), написанных именно с позиций столь пренебрежительно оцененной Д. В. Гавриловым «концепции окружной системы».

Начнем с того, что довольно неожиданно востребована была эта концепция в диссертации С. В. Голиковой «Культура горнозаводского населения Урала XVIII–XIX вв.: жизнеобеспечение, ритуалы, религиозные верования»⁶⁶. В анализе жизнеобеспечения система домохозяйства рассматривается в работе как включенный самым непосредственным образом в горнозаводскую окружную экономику «социобытовой механизм, не утративший своей производственной функции». Добротные материалы С. В. Голиковой позволяют углубить и уточнить представления о «симбиотическом характере» окружной системы и том самом ее, по В. В. Адамову, «единстве социально-экономических основ и формы»⁶⁷ – системобразующем характере, охватывающем широкий круг социально-экономических явлений.

Более подробно в предметном поле дискуссии должна быть представлена получившая самую высокую оценку научной общественности докторская диссертация и одноименная монография Е. Г. Неклюдова «Уральские заводчики в первой половине XIX века: владельцы и владения» (Нижний Тагил, 2004).

Анализируя уральскую индустриальную историографию, автор выделил в ней два отчетливо проявившихся подхода – «структурный» и «системный». Первый, по его мнению, характеризует промышленность по какому-то одному или нескольким факторам (технологическому, организационно-географическому, организационно-управленческому, экономическому и пр.). Но, «сложенные из отдельных фрагментов, эти “образы” промышленности, – пишет Е. Г. Неклюдов, – отличаются известной мозаичностью и не дают убедительного представления об эволюции промышленности, ее стадиях, особенностях и закономерностях развития». В монографии автор отдает предпочтение второму – «системному» подходу, применение которого дает возможность более глубоко представить организацию промышленности и ее эволюцию и «за множественностью разнообразных фактов увидеть суть происходивших в тот или иной период процессов»⁶⁸. При этом именно «окружной строй» горнозаводской промышленности автор определяет не иначе как

«системообразующий», что самым непосредственным образом соотносится с «концепцией окружной системы» В. В. Адамова, с работами и взглядами учителя Е. Г. Неклюдова – профессора Т. К. Гуськовой⁶⁹.

Один из главных объектов исследования – владения – рассматриваются Е. Г. Неклюдовым именно в виде горнозаводских округов; использованная в работе периодизация истории промышленности опирается на представления об эволюции окружной системы, переживавшей периоды становления, зрелости и упадка. В частности, подчеркивается, что характерная экономическая «нераздельность» округов (в отличие от некоторых современных историков хорошо осознающаяся современниками и самими владельцами) повлекла за собой еще в XVIII в. издание законов, запрещавших эти разделы и приведших в итоге к выработке заводчиками разнообразных типов разделов заводской собственности и формированию феномена «многовладельческой» собственности, существенно влиявшей на динамику развития окружных хозяйств.

Представление о сложности производственной, организационной и социальной структуры округов помогло автору определить место и роль заводчика в структуре управления. Заводчик представлен в исследовании Е. Г. Неклюдова как один из «элементов» специфической окружной системы уральской горнозаводской промышленности, причем имеющий вполне определенное функциональное значение и место. В качестве базовых функций Е. Г. Неклюдовым названы: административная (высший контроль, определение «идеологии» развития и перспектив округов, их финансирование, внутреннего социального политика, элементы собственно «производственной» политики) и юридическая (оформление и отстаивание более привлекательного владельческого статуса, решение проблем многовладельческой собственности, податные взаимоотношения с государством). На богатейшем материале Е. Г. Неклюдов показал, как в решении важнейших задач развития своей горнозаводской собственности владельцы использовали прежде всего внутренние резервы окружного хозяйства – природные, экономические, социальные, которыми заводчик умело маневрировал в зависимости от ситуации; наконец, как сложившаяся система окружной экономики задавала своеобразные рамки этого маневра и типа развития

хозяйства. Для определения роли заводчиков автор делает также попытку типизации моделей их экономического поведения, где в качестве основы использует комплекс «показателей развития» (административных, финансовых, социальных) принадлежавших им «окружных экономик» и также «шкалу» проблемных ситуаций, с которыми объективно было связано их развитие в изучаемый период.

Подчеркнем, что заявленная задача типизации округов представляется для диссертации Е. Г. Неклюдова явно избыточной (в работе имела вспомогательное значение), но в этом порыве поместить ее на свой «щит» видится совершенно верная оценка историографической ситуации – той явно назревшей необходимости пристального изучения горнозаводских экономик изнутри и появления на этой основе полновесной типизации горнозаводских округов.

Проблема типизации действительно чрезвычайно важна в определении перспектив изучения горнозаводской промышленности Урала, позволим себе остановиться на этом чуть более подробно. Опыт типизации округов был представлен автором данной статьи в свое время в монографии «Горнозаводская промышленность Урала на рубеже XIX–XX вв. (к характеристике процессов монополизации)» (Екатеринбург, 1993)⁷⁰. (И вопреки, кстати, заверениям Д. В. Гаврилова (его тезис о якобы «восхвалениях» и «самовосхвалениях») в статье, посвященной творчеству В. В. Адамова, прозвучала однозначная самокритика: «далеко не все в этой классификации получилось»⁷¹).

Если думать об осмыслении и преодолении недостатков в развитии подобного опыта, можно отметить ряд моментов. Во-первых, должна быть расширена система параметров – оснований типизации. В анализируемом опыте автора данной статьи были представлены следующие параметры: 1) количественные (масштабное ранжирование на основании абсолютных показателей): развитие важнейших производств (чугун, железо, сталь, медь, руда, каменный уголь, золото, платина); размеры окружного землевладения и 2) выделенные на основании содержательного анализа-оценки описания типа: производственно-отраслевой структуры хозяйств (комбинаторика); характеристики топливной базы и характеристики рудной базы (уровень их развития, мера диспропорциональности потребностей

развития металлургического производства, характер решения проблем); хода капиталистической индустриализации. Во-первых, как минимум в этой системе параметров не хватает, на наш взгляд, следующих: характеристики внутриокружных производственных связей (эволюция и мера сложности); внешних производственных связей округа; размеров прибыльности как основного результата производственной деятельности (система динамических показателей и разного рода «средних»); структуры прибылей по отраслям и производствам. Во-вторых, серьезной методологически и методически взвешенной проработке, как уже говорилось, должна быть подвержена система параметров, характеризующих технико-технологический уровень развития основных и вспомогательных отраслей, окружного хозяйства в целом.

Главное же самокритическое замечание к проделанной типизации горнозаводских округов состоит в отсутствии номинативной (называющей и определяющей) и развернутой содержательной характеристики выделенных в свое время групп-типов. Хотя в сравнении выделенных на 1900 и 1913 гг. групп⁷² автором были сделаны довольно важные выводы о сокращении их числа, свидетельствовавшем о «естественном процессе индустриальной унификации, а также о большей определенности типов эволюции – приспособления окружных хозяйств к новым условиям», развернутая характеристика «типов эволюции» также не была предъявлена.

Заметим, что опыт типизации горнозаводских окружных хозяйств – задача высокого уровня сложности, она ждет исследователя «смелого», готового к кропотливой работе по сбору статистики, вооруженного не только современными математическими методами исторического исследования но и... концепцией В. В. Адамова. Последняя по-прежнему требует исследовательской смелости и натиска, и вовсе не в свете той критики, которую обрушил на нее профессор Д. В. Гаврилов – «караван» уральской индустриальной историографии по-прежнему идет. Дело в том, что эта концепция отстоит от всякого рода удобного схематизма и догматизма, нацеливает на глубокое изучение производственных и социально-экономических процессов во всей их сложности и многообразии, требует не только сбора непосредственно представленных в источниках фактов, но того, что называется «производством факта» историком.

В заключительной части статьи обратимся к историографическому анализу исследований, посвященных отдельным горнозаводским хозяйствам-округам Урала. Появление их на современном этапе развития уральской индустриальной историографии, на наш взгляд, закономерно и символично⁷³. В последние годы было подготовлено несколько таких, к сожалению, пока не вошедших в активный историографический оборот уральских историков, работ.

Это кандидатская диссертация А. Н. Торопова «Заводское хозяйство Яковлевых на Урале во второй половине XVIII – начале XIX в.» (Екатеринбург, 2004)⁷⁴; монография О. В. Линник «История уральской промышленности: Кыштымский горный округ (1745–1900 гг.)» (Снежинск, 2003)⁷⁵, статья и кандидатская диссертация А. С. Грузинова «Эволюция хозяйства князей Абамелек-Лазаревых во второй половине XIX – начале XX в. (по бюджетным материалам)»⁷⁶.

Солидная источниковая база исследования А. Н. Торопова (24 фонда уральских и центральных архивов) и добротная проработка историографического ресурса позволили автору воссоздать квалифицированную и достаточно полную картину формирования обширного и сложного по составу заводского хозяйства Яковлевых (автором были выявлены источники состояния предпринимателя, условия приобретения им заводов у разных владельцев и строительства новых). «Хозяйство Яковлевых» рассматривается автором как «целостная система», так как его развитие «определялось не функционированием отдельных заводов, а общим развитием данного частновладельческого комплекса»⁷⁷. Последний, как трактует автор, состоял из ряда сложившихся в разное время промышленных комплексов, объединявших основные и вспомогательные металлургические заводы.

Подробно в диссертации анализируются условия, факторы, производственная и предпринимательская мотивация создания этих комплексов и происходившие в них изменения. Конечным результатом этих сложных процессов явилось создание четырех горнозаводских округов – Невьянского, Верх-Исетского, Алапаевского, Холуницкого, каждый из которых обрел свою необходимую и достаточную систему промышленных комплексов. Несомненной заслугой автора является анализ «межокружных» связей, в том числе и тех, что сохранились от самого начального периода формирова-

ния заводского хозяйства С. Я. Яковлева. Сложное переплетение системы производственных связей являлось наглядным свидетельством переходного характера развития этого хозяйства в конце XVIII – начале XX в. с точки зрения становления окружной системы горнозаводской промышленности Урала. Автор показывает, что, формируемая изначально в известном смысле стихийно, окружная система со временем приобретала целесообразность и некое исторически сложившееся однообразие многих параметров (выводы эти вполне сравнимы с теми, что были сделаны в свое время В. В. Адамовым⁷⁸).

В качестве замечания к работе А. Н. Торопова можно назвать меньшее его внимание к инфраструктуре заводских комплексов, а также обслуживающим их вспомогательным отраслям (полные данные о работе только одного из рудников и заготовке топлива лишь за отдельные годы). В этом, на наш взгляд, сказалось и то, что понятие общего социально-экономического комплекса окружного хозяйства сужается в работе до промышленного комплекса – определяемого автором как «совокупность металлургических заводов в виде комбинированной мануфактуры». Такой подход несколько ограничил автора и обеднил общую картину развития хозяйства С. Я. Яковлева, систему вынесенных на защиту выводов.

Кыштымскому горнозаводскому округу посвящена монография О. В. Линник «История уральской промышленности: Кыштымский горный округ (1745–1900 гг.)». В качестве базовых источников автором использована делопроизводственная документация специальных архивных фондов Кыштымских заводов (РГИА. Ф. 62; ГАЧО. Ф. И-172), привлечены различные материалы РГАДА, РГИА, ГАСО, ГАЧО, активно автор обращается к горнозаводской и земской статистике, периодике.

Монография организована по проблемно-хронологическому принципу: соответствующие главы двух разделов – до- и пореформенного развития округа посвящены «экономике» округа (развитию системы управления и финансов; технической базе производства; металлургии, топливно-сырьевой базе и транспортной системе); его социальному развитию (источникам формирования и составу, положению и быту рабочих и населения всех заводских поселков, социальным протестным движениям).

В интересующий нас в большей степени в плане дискуссионных сюжетов хронологический период 60–90-х гг. XIX в. экономика округа рассматривается автором в контексте «приспособления хозяйства к новым экономическим условиям, связанным с развитием рыночной экономики»⁷⁹. Представляя ее, О. В. Линник пытается охватить все «производственные единицы» Кыштымского округа, это: Каслинский чугуноплавильный, чугунолитейный и железоделательный завод; Нязепетровский чугуноплавильный и железоделательный завод; Верхне-Кыштымский чугуноплавильный и железоделательный и Нижне-Кыштымский железоделательный заводы; Шемахинский передельный завод; Теченская листокавальная фабрика; Соймоновские золотые промыслы (более 20 в разное время действовавших приисков); Сакэлгинский медеплавильный завод; железорудные шахты и рудники – всего более 80 действовавших в разное время; углевыжигательные промыслы; предприятия по добыче торфа, а также игравшие важную роль в функционировании округа – Сорокинская и Нязепетровская пристани. Достаточно серьезное внимание в работе О. В. Линник уделяется вопросам эволюции технического облика заводов и вспомогательного хозяйства, производственным связям внутри округа, а также направлениям и методам организации сбыта.

Уже в аннотации монографии О. В. Линник (рецензенты – доктор исторических наук В. И. Усанов, кандидат исторических наук В. Г. Савельев) Кыштымский округ представляется как развивавшееся «более ста лет единое хозяйство с законченным металлургическим циклом, многоукладной экономикой и собственной инфраструктурой». Заметим, что, аргументируя избранные подходы, автор не делает акцента на своих историографических предпочтениях, но обращает внимание на то, что предшествующие исследователи Кыштымского края, рассматривая «в основном проблемы, связанные с отдельными предприятиями региона», не уделяли должного внимания «освещению того или иного вопроса с позиции развития округа как единой системы» (с. 8, 9).

Наряду с успехами модернизации металлургического производства, о которых подробно пишет О. В. Линник, она обращает внимание на «неравномерность в освоении технических усовершенствований по отраслям» (с. 67), на тот факт, что, наряду с самым

современным производством округа в лице Нязепетровского завода (где в 1890-е гг. введено пудлингование, построены две новые домны, действовавшие на горячем дутье), важное место в окружном хозяйстве занимало самым примитивным образом организованное углежжение. Все заводы Кыштымского округа работали в конце рассматриваемого автором периода на древесном угле, причем 72,3 % его объема, несмотря на успешные опыты с углевыжигательными печами, изготавливались примитивнейшим кучным способом.

Несмотря на некоторые успехи в развитии энерговооружения заводского производства, позиции традиционной водной энергетики оставались очень значимыми. Так, в распределении средств на переустройство заводов в 1893–1898 гг. 44,6 % пришлось на «переустройство плотин, водопроводов, мельниц» (с. 77). Железнодорожный транспорт, на преобразующую силу которого для уральской промышленности так рассчитывали все прогрессивные деятели России, не стал в Кыштымском округе до начала XX в. альтернативой традиционного архаичного комбинированного водно-гужевого. Несмотря на то, что в 1896 г. округ через Кыштым был связан с железнодорожной веткой Екатеринбург – Челябинск, расчеты правления в 1898 г. показали, что использование ее непозволительно увеличит себестоимость продукции заводов (с. 79). Водно-гужевые перевозки по-прежнему обеспечивали внутриокружные производственные связи, сбыт продукции Кыштымских заводов осуществлялся по реке Уфе, в Нязепетровской пристани в 1898 г. был прорыт новый канал для постройки и нагрузки барок. Действовал он только в весеннее время, задавая соответствующие неоптимальные ритмы сбыта, от которых страдало общее финансовое положение хозяйства.

Явно сдерживающим, деформирующим технический прогресс в Кыштымском округе был и уровень развития железорудной базы. Так, по представлению округа на момент акционирования (ноябрь 1900 г.), наряду с более рациональным обеспечением рудой Верхне- и Нижне-Кыштымских заводов (3 рудника), на Каслинский и Нязепетровский заводы в среднем приходилось по более чем 10 рудодобывающих предприятий (с. 82–83). Примитивный обжиг руды производился на месте добычи; рудники округа находились от за-

водов на расстоянии от 4 до 100 верст (в среднем фактически не менее 16⁸⁰).

Очевидно, что эти и подобные им наблюдения О. В. Линник (отнюдь не являвшиеся самоцелью работы, но ряд которых можно было бы продолжить) явно не вписываются в претендующую на истину в последней инстанции «концепцию» развития горнозаводской промышленности Д. В. Гаврилова. Впрочем, тенденциозная односторонность позволяет ей с легкостью справиться с этой «сложностью» (читай – «многоукладностью, многоформностью») уральской горнозаводской промышленности, включая в сферу наблюдений и анализа прежде всего данные о «коренном» техническом перевооружении.

Именно такого рода односторонность, в значительной мере «организованная» (вездесущая проблема «зрелости» предпосылок Октябрьской социалистической революции), и вызвала в свое время интеллектуальный (и нравственный!) протест представителей «нового направления», которые предлагали включить в сферу концептуализации самый широкий спектр реальных экономических явлений, в том числе укладов (как устойчивых форм общественного хозяйства, характеризующихся определенным уровнем материальной и технической базой, системой социальных отношений), и формулировали совершенно здравый посыл стремиться к «комплексному изучению социально-экономической тематики» (К. Н. Тарновский)⁸¹. Думается, и современно, и своевременно звучит и сейчас вывод М. Я. Гефтера о том, что «специфику конкретного общества следует искать *во взаимодействии и конфликте разных социально-экономических форм*, в том числе тех, что не составляли ступень всемирного процесса или не играли в этом процессе той роли, какую играют они в региональном развитии»⁸².

Возвращаясь к историографическим материалам по истории Кыштымского округа, оговоримся, что автор данной статьи далек от превознесения анализируемой монографии О. В. Линник по той причине, что в обосновании своих подходов ее автор произносит заветное слово «многоукладность». Напротив, следует отметить преимущественно описательно-собираательный стиль работы, большое значение в аргументации выводов собственно историографических ресурсов, с противоречивыми данными которых автор в своих

интерпретациях зачастую не справляется (см., например, приложения). Оставляет желать лучшего и репрезентативность источниковой базы исследования, прежде всего обращает на себя внимание отсутствие полной последовательной отработки именно источниковых комплексов – в первую очередь, коль скоро речь идет об «экономике» округа, годовых отчетов Главного правления округа. Что же касается «многоукладности», к этой проблеме в своей работе автор монографии о Кыштымском округе лишь едва-едва подступился. Подобная задача, безусловно, решается не только и не столько на пути фиксации, характеристики уровня различных производств (основных и вспомогательных), функционировавших в рамках округа, но выявления *механизмов их взаимосвязи и влияния* на эволюцию как окружного хозяйства в целом.

Тем не менее это первая современная работа по истории Кыштымского округа⁸³, в целом автору удалось справиться с поставленными задачами, и работа займет свое место в уральской историографии. Особо в контексте дискуссии следует отметить, что созданная исследователем картина развития в округе металлургии представляется в целом более реалистичной, чем следующая из комплекса статей по заводам округа в энциклопедии «Металлургические заводы Урала XVII–XX вв.».

Никто не намерен умалять значения этого серьезнейшего и воистину этапного труда, но остается непонятным, почему в ее статьях далеко не всегда последовательно (по периодам) хотя бы минимально не обозначаются данные о развитии топливной и сырьевой базы заводов, уровне и характере развития этих производств. Нельзя не признать, что при таком подходе никакой уральской (не только окружной) специфики горнозаводской промышленности днем с огнем не сыщешь. Так, например, в статье «Кыштымский (Верхнекыштымский, Кыштымский верхний) чугуноплавильный, железоделательный завод» применительно лишь к периоду 60–70-х гг. XVIII в. дается информация о рудниках, с которых на завод поступала руда; о том, каковы были источники топлива и уровень развития этого производства, в статье не говорится ни слова. В статье «Кыштымский Нижний (Нижнекыштымский) железоделательный завод» автор (Д. Е. Хохолев) ограничивается указанием на то, что завод «вплоть до 1917 г. находился в составе Кыштымского горного

округа... и пользовался ресурсами Кыштымской заводской дачи»⁸⁴. Не ясно из предлагаемого статьями контекста, что, собственно, значит «быть в составе округа», коль скоро это все же имеет некое значение.

Серьезный, на наш взгляд, интерес для уральской индустриальной историографии представляет работа А. С. Грузинова, посвященная истории хозяйства Абамелек-Лазаревых и Чермозского округа в его составе во второй половине XIX – начале XX в.⁸⁵

Автор ее рассматривает эволюцию сложного хозяйственного комплекса, в состав которого входили металлургические заводы, соляные промыслы, каменноугольные копи, железные рудники, платиновые прииски; делает анализ эволюции системы управления хозяйством. Диссертационная работа А. С. Грузинова организована следующим образом: в первой ее части анализируется металлургия как основа окружного хозяйства, во второй – «другие основные» отрасли. Автор нацелен на изучение «технико-экономического состояния производства, эффекта от нововведений, эволюции организации сбыта продукции».

Специальная глава посвящена анализу динамики и структуры прибыльности хозяйства. Подчеркнем, что в этом плане исследование А. С. Грузинова представляет собой уникальный исследовательский опыт⁸⁶, поскольку на максимально репрезентативной источниковой основе (сплошное обследование бюджета хозяйства по данным внутреннего делопроизводства (РГИА. Ф. 880; РГАДА. Ф. 1252) обращается к широкому кругу проблем финансовой организации хозяйства – им анализируются источники финансирования, структура доходов, расходов, прибыли (по отраслям и производствам и в целом) и впервые в уральской историографии – направления реинвестирования средств, полученных от развития хозяйства.

Выявленные А. С. Грузиновым материалы, его выводы о тенденциях и механизмах финансирования Чермозского округа свидетельствуют о том, что отдельные отрасли и производства в рамках окружного хозяйства в своем развитии были самым непосредственным образом связаны друг с другом, оказывали (уровнем и этапными характеристиками своего развития, прибыльностью) значительное влияние друг на друга.

По его выводам⁸⁷, в 1860–1880-е гг. наибольшую прибыль в Чермозском округе приносила солепромышленность (20–45 % прибыли в бюджете), существенно помогая всему хозяйству в удержании его в трудный период постфеодальной перестройки на плаву. В 1870-е гг. с относительной стабилизацией дел в металлургии солепромышленность играла второстепенную роль в подъеме доходности, но оставалась немаловажным внутренним финансовым ресурсом. В середине 1880-х гг., когда металлургию охватил небольшой кризис и максимальной была кредиторская задолженность хозяйства, прибыль от каменноугольного дела, достигая 70 % общего объема, спасала от убытков в металлургии. В 1890-е гг. – период высокой доходности металлургии – доля других отраслей в реинвестировании в металлургию снизилась. В годы экономического кризиса и депрессии начала XX в. бурно развивавшееся каменноугольное дело, ориентированное на внешнюю экономику (продажа угля), вместе с организацией в промышленных масштабах продажи леса давали около 50–60 % прибыли хозяйства, доходы от продажи леса в этот период были важными в стабилизации положения Чермозского округа. В 1910-е гг. доля неметаллургических отраслей в доходах и прибыли примерно осталась на том же уровне, приносимая ими прибыль была значимой для реинвестиций.

Обращаясь к вопросу о роли прогрессирующей добычи каменного угля в развитии Чермозского округа, хочется выразить глубокое удовлетворение тем, что А. С. Грузинову удалось в свете задействованных уникальных источников скорректировать выводы автора данной статьи об особом значении каменноугольного дела в проведении реконструкции хозяйства и в качестве резерва в условиях приспособления окружного хозяйства к условиям постфеодального рынка⁸⁸. Из анализа А. С. Грузиновым бюджетных росписей выяснилось, что начиная примерно с конца 1890-х гг. все полученные от продажи каменного угля средства начали переводиться С. С. Абамелек-Лазаревым в хранимые в зарубежных банках ценные бумаги, т. е. в окружное хозяйство не реинвестировались⁸⁹.

Не менее интересен и важен в контексте дискуссии другой ряд выводов А. С. Грузинова. С одной стороны, отрасли могли выступать и выступали в качестве резервов финансирования друг друга, с другой – правовая нераздельность и фактическая неразделимость

округов, разные скорости обращения капиталов в развивавшихся в рамках окружных систем производствах могли сковывать, ограничивать потенциал развития то одного, то другого. Так, например, в 1880-е гг. Абамелек-Лазаревы медленно (хотя конъюнктура была максимально благоприятной – спрос на уголь был много больше, чем могло быть добыто) развивали каменноугольное дело именно из-за недостатка необходимого свободного капитала.

Заметим, что автор исследования хозяйства Абамелек-Лазаревых отнюдь не является ревностным адептом взглядов В. В. Адамова (хотя, конечно, с ними как профессионал знаком). Так, например, он формулирует сложную исследовательскую гипотезу о том, что на примере эволюции особого (не акционированного – не сменившего хозяев) Чермозского хозяйства, в котором были «найжены внутренние ресурсы для превращения из основанного на принудительном труде феодального в преуспевающее капиталистическое», можно «скорректировать представления о причинах кризиса уральской горнозаводской промышленности»⁹⁰. Далеко от концепции В. В. Адамова и всех ее интерпретаций А. С. Грузинов понятийно-терминологически («внутризаводские округа»⁹¹).

Но дело опять же не в позиционировании исследователем себя относительно той или иной историографической концепции, но в том, что конкретный фактический материал по истории окружных хозяйств говорит сам за себя. Можно сколь угодно долго твердить, что округа «никак не могли влиять на производственно-техническую, финансово-экономическую и социальные стороны их деятельности»⁹², обращение к добротным архивным материалам по истории окружных хозяйств, как видим, убеждает в том, что они влияли и на первое, и на второе, и на третье. В выводах по представлению исследования А. С. Грузинова особо подчеркнем, что анализ, с одной стороны, структуры доходов, расходов, прибылей, «предела доходности» (соотношения валовой прибыли к валовой), с другой – направлений реинвестирования и характера использования прибылей позволяет на совершенно ином предметном и проблемном уровне говорить о проблеме этого влияния.

Завершая далеко не полный (и не идеальный) обзор новейшей индустриальной историографии с точки зрения отражения проблемы окружной системы уральской горнозаводской промышленности, хотелось бы отметить следующее.

Во-первых, из конкретно-исторических наблюдений и выводов целого ряда современных исследователей очевидна как «неизжитость», так и прямая востребованность подходов к изучению горнозаводской промышленности Урала, обозначенных в свое время В. В. Адамовым, генетическая связь современной историографии с поисками этого исследователя.

Во-вторых, в ходе работы сам автор еще раз убедился, что выведение представлений об окружной системе из круга значимых исследовательских стратегий как минимум(!) не будет способствовать оптимизации изучения индустриальной и в целом экономической истории региона⁹³.

Для автора и, думается, для целого круга историков-индустриалов, к сожалению, достаточно ясно, почему столь активно противится Д. В. Гаврилов принципиальности таких исследовательских стратегий – предлагаемые ими ракурсы противостоят излишне прямолинейной и детерминистской позиции этого автора; обнаруживают сложность и неоднозначность социально-экономических процессов и в этом плане ставят под сомнение ряд выводов, введенных им в научный оборот.

Но ведь потенциал сомнения в науке – не оспариваем! И дело не в «приписывании» окружной системе якобы некоей «магической» силы (утверждение Д. В. Гаврилова), не в абсолютизации концепции В. В. Адамова. К этому ни в коей мере не призывает и автор данной статьи – как убежденный в принципе «больше подходов хороших и разных», так и признающий тот немалый вклад, который внес профессор Д. В. Гаврилов в изучение уральской промышленности. Обращаясь к авторитету видных современных историков, хотелось бы добавить, что «вряд ли найдется сейчас хоть одна методологическая концепция, по отношению к которой можно было бы говорить о каком-либо консенсусе мнений историков»⁹⁴ и что «лишь обращаясь к историческому материалу с разных теоретических позиций, с разных точек зрения, можно расширить и углубить наши представления о предмете изучения»⁹⁵. Приступая к той или иной исследовательской проблеме, несомненно, следует учитывать присущие предшествовавшим объяснительным моделям внутренние логики, системы аргументации, ряды знаковых фактов и наблюдений. Времена дружного единомыслия, о которых так ностальгиру-

ют некоторые исследователи, хотелось бы верить, уже не вернуться, несмотря на попытки их реанимации хотя бы на поле «чистой» полемики.

С точки же зрения «длинных циклов» развития исторической науки, всяческие претензии на монополизм и монолизм – ущербны и бесперспективны. И это наглядно демонстрируют работы, выполненные как в специфически агрессивном критическом духе, так и в «лучших» традициях историографии комплиментарной.

Тем не менее последняя историографическая работа Д. В. Гаврилова займет свое место в научном пространстве, и автору ее стоит высказать признательность за актуализацию проблематики, поднятой в свое время «новым направлением» и его уральскими представителями – за ту не точку, но большой, курсивом означенный, вопросительный знак, адресованный исследователям современным и будущего.

Заметим, что опыт типизации горнозаводских окружных хозяйств – задача высокого уровня сложности, она ждет исследователя смелого; готового к кропотливой работе по сбору статистики, вооруженного не только современными математическими методами исторического исследования, но и концепцией В. В. Адамова как одного из достойных представителей «новонаправленцев».

---

¹ См., напр.: *Киселев А. Ф.* П. В. Волобуев. Сложная судьба историка // Вестн. РАН. 2001. Т. 71, № 4; *Марквин Р. П.* В. Волобуев и историки нового направления // Академик П. В. Волобуев. Неопубликованные работы, воспоминания, статьи. М., 2000; *Булдаков В.* Феномен Павла Волобуева // Знание – сила. 2003. № 25; *Телицын В. И.* Павел Васильевич Волобуев // Историки России. Послевоенное поколение. М., 2000. С. 57–78; *Высочина Е. И.* Михаил Яковлевич Гефтер // Там же. С. 79–104; *Емец В. А., Шелохаев В. В.* Константин Николаевич Тарновский // Там же. С. 199–220; *Хаймсон Л.* Сотрудничество с В. И. Бовыкиным // Россия и мир: Памяти проф. В. И. Бовыкина: Сб. ст. М., 2001. С. 73–78; *Ито С.* Дискуссии с профессором Бовыкиным // Там же. С. 81–87; *Шелохаев В. В.* Прощаясь с прошлым. М., 1998; и др.

² Это специфические самостоятельные сюжеты, которые, видимо, найдут в самое ближайшее время должный отклик у научного сообщества. Готов особо высказаться по этому вопросу и автор данной статьи.

³ Не использованы такие крупные работы, как: *Поликарпов В. В.* «Новое направление» 50–70-х гг. – последняя дискуссия советских историков // Россия, XX век. Советская историография. М., 1996. С. 349–500; *Он же.* Еще раз к вопросу о новом направлении // Вопр. истории. 1990. № 6; *Он же.* Новое направление

в старом прочтении // *Вопр. истории*. 1989. № 3; *Иванова Н. А.* Проблема многоукладности на современном этапе развития науки // *Экономическая история России XIX–XX вв.: современный взгляд*. М., 2000. С. 592–604.

⁴ См.: *Гаврилов Д. В.* «Новое направление» в исторической науке и его поклонники. Екатеринбург, 2005. С. 87 (сноска 39).

⁵ Там же. С. 7.

⁶ Особым выражением идей «нового направления», по глубокому убеждению автора, является вышедшая уже после смерти автора монография якобы (по Д. В. Гаврилову) осознавшего ошибочность своих взглядов и идей «нового направления» К. Н. Тарновского «Мелкая промышленность России в конце XIX – начале XX в.» (М., 1995). Работа продемонстрировала высокую научную эффективность «нового направления», призванного дать объективную картину состояния не только индустриальных и монополистических, но и мелкотоварных, патриархальных и иных форм хозяйства. Именно кустарно-ремесленная пепочка, соединяющая крайние полюсы российской экономики и олицетворявшая собой все ступени перехода от самого отсталого до самого передового, представлена в монографии как лаборатория по взаимодействию различных социально-экономических укладов.

⁷ См., напр., лишь ряд работ, непосредственно связанных с индустриальной проблематикой: *Нетесин Ю. А.* Промышленный капитал Латвии (1861–1917 гг.). Рига, 1980; *Клейн Н. Л.* Экономическое развитие Поволжья в конце XIX – начале XX в. Саратов, 1981; *Иванова Н. А.* Промышленный центр России 1907–1914 гг.: Стат.-экон. исследование. М., 1995; *Гуськова Т. К.* Заводское хозяйство Демидовых в первой половине XIX в. Челябинск, 1995.

⁸ Позволим себе отослать Д. В. Гаврилова лишь к наиболее интересным, на наш взгляд, работам: *Наумова Г. Р.* Русская фабрика. М, 1998; *Ершова Т. В.* Московская промышленность в годы Первой мировой войны (1914 – февраль 1917). М., 1998; *Сычев Н. В.* Многоукладная экономика (политико-экономическое исследование). М., 1999; *Погребинская В. А.* Эволюция социально-экономической структуры России в последней трети XIX – первой половине XX в. М., 2000; *Шенелева В. П.* Проблемы предпосылок революционного процесса 1917 г. по материалам отечественной и зарубежной историографии. М., 2003; *Иванова Н. А., Желтова В. П.* Сословно-классовая структура России в конце XIX – начале XX века. М., 2004. Особое внимание хотелось бы обратить на материалы специального научного семинара «Индустриализация в России» (МГУ), работающего с 1995 г. и выпустившего около двух десятков информационных бюллетеней (см., напр.: *Воронкова С. В., Гриков Т. И.* Деятельность научного семинара (1995–2001 гг.): некоторые исследовательские итоги и задачи дальнейшей работы // *Индустриализация в России*. М., 2001. № 12. С. 4–19).

⁹ Подчеркнем, что опыт оценки роли «нового направления» в развитии исторической науки должен быть обращен к самому широкому кругу проблем социально-экономического развития России. Так, следует обратить внимание на то, что в аннотации к вышедшей недавно монографии «Россия сельская, XIX–XX вв.: Памяти А. М. Анфимова» (под ред. А. П. Корелина. М., 2004), подчеркивается, что связанная с именем А. М. Анфимова «разработка теории многоукладности рос-

сийской экономики в рамках зародившего в 1960-х гг. нового направления» в изучении российской аграрной истории «не потеряла своей актуальности по сей день».

¹⁰ Гаврилов Д. В. «Новое направление»... С. 5.

¹¹ Там же. Примечания. С. 85–91.

¹² Характерными чертами «стиля» полемики автора являются беспрецедентная тенденциозность трактовок высказываний оппонентов, произвольно «удобный» отбор их аргументов, критика в духе «военной пропаганды» (образ врага). Особо обращает на себя внимание поразительное понятийное и терминологическое единство критики «нового направления» современным историком Д. В. Гавриловым и идеологически ангажированными официальными «специалистами» 1970-х гг. (по экономической истории XIX – начала XX в.) (предлагается сравнить, например, с текстом: *Левыкин К. Г., Сиволобов А. М., Шарапов Г. В.* О книге «Вопросы истории капиталистической России: проблема многоукладности» // *Вопр. истории КПСС.* 1973. № 11. Исключено фактически лишь используемое этими авторами понятие ревизионизма).

¹³ Гуськова Т. К. Индустриализация по-уральски // Три столетия уральской металлургии. Екатеринбург, 2001. С. 94–103.

¹⁴ См., напр.: *Фельдман М. А.* Рабочие крупной промышленности Урала в 1914–1941 гг. Екатеринбург, 2001; *Он же.* Культурный уровень рабочих Урала в 20-е гг. XX в. // *Отечеств. история.* 2003. № 5. С. 20–30; *Он же.* Промышленный переворот на Урале: попытка переосмысления // Там же. 2005. № 4. С. 167–178.

¹⁵ *Алексеев В. В.* Уральская металлургия в эпоху протондустриализации // Урал индустриальный: Бакунинские чтения: Материалы VI Всерос. науч. конф., 7 апреля 2004 г.: В 2 т. Екатеринбург, 2004. Т. 1. С. 11.

¹⁶ Гаврилов Д. В. «Новое направление»... С. 55.

¹⁷ Там же. С. 51–52.

¹⁸ *Адамов В. В.* Об оригинальном строе и некоторых особенностях развития горнозаводской промышленности Урала // Вопросы истории капиталистической России. Проблема многоукладности. Свердловск, 1972. С. 238.

¹⁹ Гаврилов Д. В. «Новое направление»... С. 55.

²⁰ См.: *Гаврилов Д. В.* Урал в начале XX в.: формирование новой модели экономического развития // Социальные трансформации в российской истории: Докл. Междунар. науч. конф. Москва; Екатеринбург, 2004. С. 117. Не можем не заметить, что двумя годами ранее Д. В. Гаврилов высказывался в несколько ином ключе – говорил о том, что в начале XX в. уральские заводы «оказались в полосе глубокого технологического и структурного кризиса» (см.: *Гаврилов Д. В.* Технические аспекты модернизации уральской металлургии XVIII–XX вв. // Урал индустриальный: Вторая регион. науч. конф. Екатеринбург, 1998. С. 28).

²¹ *Запарий В. В.* Модернизационные процессы в металлургии Урала // Социальные трансформации в российской истории. С. 126–136.

²² См.: *Запарий В. В.* Основные этапы истории черной металлургии Урала // Урал индустриальный: Вторая регион. науч. конф. С. 76–82; *Он же.* 300 лет черной металлургии Урала: этапы становления и развития отрасли // Урал индустриальный: Бакунинские чтения: Четвертая регион. науч. конф., ноябрь 2000 г. Екатеринбург, 2001. С. 10–15.

²³ *Мальцева Е. С.* Развитие технико-технологических систем в промышленности России и Урала в XVIII – начале XIX в. // Три столетия уральской металлургии. Екатеринбург, 2001. С. 104–107.

²⁴ Социально-экономическое и политическое развитие Урала в XIX–XX вв. Екатеринбург, 2004. С. 19, 68. (Вопр. истории Урала; Вып. 18).

²⁵ *Побережников И. В.* Проблема полиморфизма в современных теориях социального развития // Там же. С. 128.

²⁶ См., напр.: *Сапоговская Л. В.* Горнозаводская промышленность Урала на рубеже XIX–XX вв. (к характеристике процессов монополизации). Екатеринбург, 1993. С. 71–77, 140, 171–172 и др. Научным руководителем этой работы, выполненной в качестве кандидатской диссертации, был сам Д. В. Гаврилов, и вопреки его заверениям на это «черным по белому» указано в статье университетского сборника (см.: Социально-экономическое и политическое развитие Урала... С. 64).

²⁷ См.: *Фельдман М. А.* О противоречиях в оценке процесса монополизации в России начала XX века // Вопр. истории. 2003. № 9. С. 108–117.

²⁸ *Моисеев Г. С.* Характер и итоги капиталистической модернизации (на примере медной металлургии Урала) // Урал индустриальный: Бакунинские чтения: Материалы VI Всерос. науч. конф. Т. 1. С. 217–222.

²⁹ *Хаслова Н. В.* К вопросу об акционировании уральской горнозаводской промышленности // Урал индустриальный: Вторая регион. науч. конф. С. 46–48.

³⁰ В настоящее время в уральской историографии представлены данные Ю. А. Буранова по горнозаводским округам и Л. В. Сапоговской по уральским фирмам со стоимостным выражением годового объема производства более 100 тыс. руб. (см.: *Буранов Ю. А.* Акционирование горнозаводской промышленности Урала. М., 1982. С. 243; *Сапоговская Л. В.* Горнозаводская промышленность Урала... С. 173–193).

³¹ *Буранов Ю. А.* Акционирование горнозаводской промышленности... С. 204, 258.

³² См.: *Адамов В. В.* Об оригинальном строе... С. 246.

³³ *Буранов Ю. А.* Акционирование горнозаводской промышленности... С. 214, 215.

³⁴ Там же. С. 203.

³⁵ *Гаврилов Д. В.* Урал в начале XX в. С. 124.

³⁶ См. подробнее: *Онищук С. В.* Исторические типы общественного воспроизводства. М., 1994. С. 70–77.

³⁷ Опыт российских модернизаций XVIII–XX вв. / Под. ред. В. В. Алексеева. М., 2000. С. 150.

³⁸ См.: *Воронкова С. В.* История производства качественных сталей в России – СССР в 1900–1940 гг. // Три столетия уральской металлургии... С. 152–157.

³⁹ *Воронкова С. В.* Типология производств в российской промышленности в конце XIX – начале XX в. (проблемы методов изучения) // Экономическая история (обзорные). М., 1998. № 2. С. 101–103; *Она же.* Эволюция производственно-отраслевой структуры российской промышленности в конце XIX – начале XX в.: (Методологические и источниковедческие аспекты) // Индустриализация в России. 1995. № 1. С. 7–17.

⁴⁰ См.: Вопросы истории капиталистической России... С. 26–31, 33, 51–52, 80–91 и др.

⁴¹ Хаймсон Л. Сотрудничество с В. И. Бовыкиным // Россия и мир. М., 2001. С. 76.

⁴² Отечественная история (до 1917 г.) [Электрон. ресурс]: Учеб. пособие для вузов / Под ред. И. Я. Фроянова. М., 2002. Режим доступа: www.infolioasf.asf.ru/Hist.

⁴³ Урал индустриальный: Бакунинские чтения: Пятая регион. науч. конф., декабрь 2002 г. Екатеринбург, 2003. С. 35.

⁴⁴ Поткина И. В. Современное состояние «business history» (истории предпринимательства) за рубежом // Экономическая история (обозрение). М., 2001. Вып. 6. С. 142.

⁴⁵ Жук А. В. Металлургическая база военного производства на Урале накануне и в годы Первой мировой войны // Урал индустриальный: Пятая регион. науч. конф. С. 87–93.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ См., напр.: Сапоговская Л. В. Владельцы уральских горнозаводских округов: типы хозяйствования в постфеодальном рынке // Три столетия уральской металлургии... С. 86.

⁴⁸ См.: Воронкова С. В., Грико Т. И. Деятельность научного семинара «Индустриализация в России» (1995–2001 гг.): некоторые исследовательские итоги и задачи дальнейшей работы // Индустриализация в России. М., 2001. № 12. С. 7.

⁴⁹ См., напр.: Адамов В. В. Об оригинальном строе и некоторых особенностях развития горнозаводской промышленности Урала; Предисловие // Вопросы истории капиталистической... С. 11, 225–228, 249–256.

⁵⁰ Там же. Характеризуя период второй половины XIX – начала XX в. (с. 246–256), он совершенно однозначно говорит: «в условиях капитализма», «тип капиталистической эволюции уральского горнозаводского хозяйства», «буржуазная эволюция промышленности», «условия и требования капитализма» и т. д. и т. п.

⁵¹ Гаверилов Д. В. Промышленная революция // Уральская историческая энциклопедия. М., 2000. С. 438.

⁵² Фельдман М. А. Промышленный переворот на Урале: попытка переосмысления // Отечеств. история. 2005. № 4. С. 167–178.

⁵³ «Трудно отнести к категории “самых крупных”, – говорит, например, М. А. Фельдман, – предприятия, выплавляющие 16 тыс. тонн чугуна, при наличии на Юге ряда заводов, производящих 150–200 тыс. тонн» (Там же).

⁵⁴ Жук А. В. Металлургическая база военного производства... С. 87–93.

⁵⁵ Шумкин Г. Н. Государственные доменные заводы Урала как металлургическая база военной промышленности России в конце XIX – начале XX в. // Урал индустриальный: Бакунинские чтения: Материалы VI Всерос. науч. конф. Т. 1. С. 315–326.

⁵⁶ См.: Адамов В. В. Об оригинальном строе... С. 251.

⁵⁷ Кудымов А. Б. Рождественские железодельательные заводы XVIII–XIX вв.: Краткий ист. очерк // Урал индустриальный: Бакунинские чтения: Пятая регион. науч. конф. С. 54–57.

⁵⁸ История Урала в период капитализма. М., 1990. С. 475.

⁵⁹ П. Г. Демидов – А. В. Зеленцов – казенное правление – А. П. Демидов – М. Д. Демидова – П. А. Демидов – Г. М. Пермикин.

⁶⁰ Неклюдов Е. Г. Уральские заводчики в первой половине XIX века: владельцы и владения. Нижний Тагил, 2004. С. 130.

⁶¹ См., напр.: Селунская Н. Б. Методологические аспекты сравнительного изучения протондустриальных обществ России и Швеции // Индустриализация в России. М., 2000. № 10. С. 4–12.

⁶² Сажеева Е. В. Начальный этап добычи золота в частных и посессионных горнозаводских округах Урала // Урал индустриальный: Бакунинские чтения: Седьмая Всерос. науч. конф. Екатеринбург, 2005. С. 243–245.

⁶³ См., напр.: Запарий В. В. Шестая Всероссийская конференция «Урал индустриальный» // Урал индустриальный: Бакунинские чтения: Седьмая Всерос. науч. конф. С. 60–72.

⁶⁴ Там же. С. 84–91.

⁶⁵ Там же. С. 42–45.

⁶⁶ Голикова С. В. Культура горнозаводского населения Урала XVIII–XIX вв.: жизнеобеспечение, ритуалы, религиозные верования: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Екатеринбург, 2005.

⁶⁷ Адамов В. В. Об оригинальном строе... С. 238.

⁶⁸ Неклюдов Е. Г. Уральские заводчики в первой половине XIX века. С. 4–5.

⁶⁹ Свои взгляды на окружающую систему горнозаводской промышленности Урала Т. К. Гуськова представила в обобщающем виде в работе: Гуськова Т. К. О новых подходах к изучению уральской горнозаводской промышленности // Урал в прошлом и настоящем. Екатеринбург, 1998. Ч. 1. С. 231–234.

⁷⁰ Сапоговская Л. В. Горнозаводская промышленность... С. 20–34.

⁷¹ Сапоговская Л. В. Оригинальность «оригинального строя» горнозаводской промышленности Урала по В. В. Адамову // Социально-экономическое и политическое развитие... С. 66.

⁷² На основании методов кластер-анализа.

⁷³ До 2000-х гг. перечень исследований, предметно обращенных к истории отдельных округов, был статичным и очень ограниченным: Нижнетагильский округ (Кафенгауз Б. Б. История хозяйства Демидовых в XVIII в. М., 1949; Гуськова Т. К. Заводское хозяйство Демидовых в первой половине XIX в. Челябинск, 1995), Пожевский округ (Мухин В. В. Уральская горнозаводская вотчина Всеволожских в первой половине XIX в.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Пермь, 1966), Богословский округ (Хозяйственно-экономическое положение Богословского горнозаводского округа в конце XIX – начале XX в. // Из истории партийных организаций Урала. Свердловск, 1967. Вып. 8).

⁷⁴ Торопов А. Н. Заводское хозяйство Яковлевых на Урале во второй половине XVIII – начале XIX в.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2004.

⁷⁵ Линник О. В. История уральской промышленности: Кыштымский горный округ (1745–1900 гг.). Снежинск, 2003.

⁷⁶ Грузинов А. С. Эволюция хозяйства князей Абамелек-Лазаревых во второй половине XIX – начале XX в. (по бюджетным материалам) // Отечеств. история. 2004. № 3. С. 93–102.

- ⁷⁷ *Торопов А. Н.* Заводское хозяйство... С. 11.
- ⁷⁸ См.: *Адамов В. В.* Об оригинальном строе... С. 242.
- ⁷⁹ *Линник О. В.* История уральской промышленности. С. 7 (в дальнейшем ссылки на страницы работы будут делаться в тексте).
- ⁸⁰ По подсчетам автора, основанным на данных О. В. Линник.
- ⁸¹ *Тарновский К. Н.* Проблема взаимодействия капиталистических укладов империалистической России на современном этапе развития советской исторической науки // Вопросы истории капиталистической России... С. 26.
- ⁸² *Гефтер М. Я.* Многоукладность – характеристика целого // Там же. С. 87.
- ⁸³ См.: *Новокрепленных Н. Н.* Из истории Кыштымских горных заводов // Тр. Пермской ученой губернской архивной комиссии. Пермь, 1893. Вып. 2; Кыштымские горные заводы наследников Л. И. Расторгуева. СПб., 1900.
- ⁸⁴ *Металлургические заводы Урала XVII–XX вв.: Энцикл.* Екатеринбург, 2001. С. 290–292.
- ⁸⁵ *Грузинов А. С.* Эволюция хозяйства князей Абамелек-Лазаревых... С. 93–102. Помимо опубликованной в «Отечественной истории» по материалам диссертации статьи, автор располагает текстом рукописи диссертации, которая в свое время была передана на Урал ее научным руководителем доктором исторических наук Ю. А. Петровым для консультации и отзыва (в дальнейшем при ссылке на рукопись в сносках на ее страницы будет указываться: Грузинов А. С. РД).
- ⁸⁶ Подобный опыт был предпринят также Т. К. Гуськовой: *Гуськова Т. К.* Заводское хозяйство Демидовых в первой половине XIX века. Челябинск, 1995. С. 96–124 (раздел «Финансово-экономическая организация округа»). Но сам автор высказывает сожаление в том, что располагал лишь «отрывочными сведениями» о расходах (цеховых, заводских, общих) и доходах, прибыльности Нижне-Тагильского округа, механизмах ценообразования продукции (с. 99).
- ⁸⁷ См.: *Грузинов А. С.* РД. С. 149–151.
- ⁸⁸ См.: *Сапоговская Л. В.* Владельцы уральских горнозаводских округов... С. 86.
- ⁸⁹ См.: *Грузинов А. С.* Эволюция хозяйства князей Абамелек-Лазаревых... С. 93–94, 98.
- ⁹⁰ *Грузинов А. С.* РД. С. 4.
- ⁹¹ Там же. С. 213.
- ⁹² *Гаврилов Д. В.* «Новое направление»... С. 55.
- ⁹³ За рамками данной статьи остался комплекс проблем социальных смыслов окружной системы горнозаводской промышленности Урала (особенности положения горнозаводского населения, рабочих, землепользование), а также сюжеты, связанные с влиянием окружной системы на внеокружную горнодобывающую и фабрично-заводскую промышленность, промыслы.
- ⁹⁴ *Бородкин Л. И.* Методологические аспекты исследования цивилизационной динамики: синергетический подход // Социальные трансформации... С. 33.
- ⁹⁵ *Побережников И. В.* Россия в контексте макротеорий исторической динамики // Там же. С. 568.